

Музыка и быт

О ГРАМОФОННОЙ ПЛАСТИНКЕ

А. МОРОВ

Люди, давно работающие на советских заводах грампластинок, с улыбкой вспоминают те далекие времена, когда у нас только зарождалась эта отрасль промышленности. Важнейший цех, в котором производилась запись, не имел даже самостоятельного помещения. Вся работа велась кустарно, техническое качество пластинок было низким.

В середине тридцатых годов производство грампластинок перешло в ведение Наркомтяжпрома. Именно тогда благодаря заботам партии и правительства грамофонная промышленность получила настоящий производственный размах.

Под Москвой был построен завод грампластинок. В Москве был возведен Дом звукозаписи. В хорошо оборудованных производственных цехах шла запись пластинок и изготовлялись оригиналы. На заводе с этих оригиналов снимались матрицы и производилось массовое тиражирование.

В послевоенные годы производство грампластинок обогатилось важными новшествами. Был внедрен, в частности, более совершенный способ звукозаписи — на ферромагнитной пленке. Огромное значение приобрел выпуск советских долгоиграющих пластинок.

Эти нововведения — запись на пленке и долгоиграющие пластинки — подняли производство на более высокий уровень. И казалось бы, жить производству пластинок и развиваться, непрерывно совершенству-

ясь, — для полного удовлетворения растущих потребностей советских людей. Но на пути к совершенствованию встали препятствия, серьезно тормозящие развитие отечественной грамофонной промышленности.

*

Несколько лет тому назад важнейшая часть производства грампластинок — запись — была поручена Главному Управлению радиоинойформации. Таким образом в одном месте было сосредоточено дело записи музыкальных произведений — для передачи по радио и для производства грампластинок. Это объединение вполне оправдано: техника записи на магнитной пленке одинакова как для радио, так и для пластинок.

Дом звукозаписи объединил многих специалистов, любящих и знающих свое дело. Систематически организуются экспедиции во все республики Советского Союза, в крупнейшие культурные центры страны для записи на пленку народной и классической музыки, а также новых произведений советских композиторов в исполнении лучших коллективов и солистов. Записываются произведения больших и малых форм, серьезной и легкой музыки. Звучащий фонд Дома звукозаписи с каждым годом пополняется, составляя уже сейчас богатейшее собрание классической, современной и народной музыки.

Художественный совет Дома рассматривает и утверждает репертуарные планы звукозаписи. Здесь прослушиваются новые

записи, обсуждается их художественное качество. Но, к сожалению, вне поля зрения совета остаются многие технические нужды цеха граммофонного производства.

Тут мы натываемся на первую «кочку» на пути развития производства граммофонных пластинок.

В Главном Управлении радиосообщения пластина стала, как ни странно, делом, которым занимаются «попутно». Здесь считают, что записи, произведенные для радио, могут механически дублироваться и для граммофонов. Записей специально для пластинок Дом звукозаписи не делает.

Вот, скажем, в связи с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией в Москве проходил широкий показ украинского искусства. Содержательной, яркой была программа заключительного концерта, состоявшегося в Большом театре. Концерт был записан. Но эту запись можно было только передать по радио. Дело в том, что эта запись, сделанная по трансляции, зафиксировала на пленке и музыкальные номера, и всю атмосферу концерта в зале — восклицания, аплодисменты и т. п. Для пластинок это, конечно, не годится. В итоге даже отдельные, самые интересные номера, исполнявшиеся украинскими артистами, так и не попали на граммофонную пластинку.

Не могло быть использовано для граммофонных пластинок пребывание в Москве крупного немецкого дирижера Германа Абендрота, исполнившего с нашими оркестрами все симфонии Бетховена. Ни одна бетховенская симфония под управлением Г. Абендрота не была записана для производства граммофонных пластинок. Подобных примеров можно привести немало.

Ария Ленского из оперы «Евгений Онегин» существует в записи И. Козловского. Наличие ее вовсе не исключает необходимости выпустить эту любимую арию в исполнении других талантливых певцов. Однако немедленно ставится вопрос: зачем? Ведь есть же ария Ленского в записи Козловского!

Трудно припомнить, когда был записан скрипичный концерт Чайковского в исполнении Д. Ойстраха. Артист и сам, как рассказывают, неоднократно предлагал:

— Дайте наконец этот концерт в чем-либо другом исполнении!

— Но ведь пленка уже есть, зачем снова записывать?

Второй концерт Чайковского зафиксирован в исполнении П. Серебрякова. Хорошо бы записать его также в исполнении М. Гринберг или С. Рихтера. Но реализовать такой замысел невозможно: для граммофонных пластинок специальной записи не делают, а радио вполне довольствуется тем, что уже существует. Просьбы радиослушателей, видимо, мало трогают работников музыкального вещания.

Радио и грамзапись должны широко и полно демонстрировать достижения советской исполнительской культуры. Ведь именно благодаря радио и граммофонным пластинкам исполнители мастерством выдающихся артистов имеют возможность познакомиться миллионы любителей музыки. Можно ли удовлетворяться монопольным исполнением одних и тех же пьес только одним артистом, хотя бы даже и отличным?!

Цех граммофонного производства (в котором производится перезапись с пленки на пластинку и создаются оригиналы) находится в Доме звукозаписи на положении пасынка. За последние годы его здесь сильно потеснили, отобрав лучшую часть большого и благоустроенного здания под различные ведомственные отделы. Часть аппаратуры пришлось разместить в коридоре и в других малопригодных помещениях. А ведь это сложное производство требует специальных условий.

Лишь в особых случаях Главное Управление радиосообщения вспоминает о нуждах цеха. Так было, в частности, когда здесь совместно с Институтом звукозаписи, после длительной и упорной работы, добились освоения долгоиграющей пластинки. Руководство главка одобрило достигнутые результаты, помогло наладить массовый выпуск новой продукции.

Однако со временем интерес к «новинке» ослабел, а вместе с тем остыл интерес и к цеху граммофонного производства. И сейчас уже никого в Управлении радиосообщения не волнует то, что в зале, где запись с ферромагнитной пленки переносится на воск, происходит вибрация пола, а это сильно вредит качеству звука. Никого не занимает, что негде прослушивать изготовленные пластинки, что кабины отдела технического

контроля тесны и мало соответствуют своему назначению.

Чтобы добиться лучшей, более точной и чистой записи, полностью устранить все шумы и искажения, надо коренным образом изменить условия работы в цехе. Нынешнему оборудованию цеха более двадцати лет. Надо позаботиться и об его обновлении, принимая во внимание, что техника звукозаписи за эти годы далеко шагнула вперед.

У работников цеха запросы довольно скромные. Но и с этими запросами в Главке Министерства культуры СССР не считаются: мол, обойдутся и так. Конечно, обходятся, работа не прекращается. Однако все эти неполадки мешают бороться за более высокий технический уровень грамзаписей.

Производству грамфонной пластинки пора уделить более серьезное внимание. И конечно, заниматься таким большим делом «по п у т н о» никак нельзя.

В Доме звукозаписи имеется около двенадцати тысяч музыкальных записей для грамфонных пластинок. По совершенно непонятной причине далеко не все они включаются в каталог, выпускаемый Главным Управлением промышленных предприятий Министерства культуры СССР. В этом каталоге всего 7786 названий обыкновенных пластинок и 1258 долгоиграющих. Здесь можно найти народные песни и песни советских композиторов, симфоническую музыку, кантаты, оратории, хоры, квартеты, оперные арии, романсы, марши, оперетты, танцевальную музыку.

Но даже эти девять тысяч названий, включенных в каталог, далеко не соответствуют реальному выпуску грампластинок заводами. Это лишь часть тех записей, которые могут быть превращены в пластинки. В действительности эти записи реализуются не полностью, ибо на пути к выпуску пластинок возникают новые бесчисленные препятствия.

Существует соглашение, по которому заводы грампластинок обязаны выпускать только то, что им заказывают торгующие организации. Как ни странно, но это соглашение не служит целям расширения ассортимента, а, напротив, лишь тормозит и ограничивает производство.

В своих заказах торгующие организации отдают предпочтение тем названиям, которые легко и без всякого труда раскупаются. Есть, например, спрос на «Голубку» в исполнении К. Шульженко? Вот и хорошо, пусть завод изготовит хотя бы миллион пластинок с записью «Голубки»!

Производственные возможности завода, конечно, не безграничны. Поэтому изготовление миллиона «Голубок» возможно только при уменьшении заказов на другие пластинки.

— Пусть так, — решают торгующие организации. — Пусть неудачник плачет!

В «неудачники» систематически попадают любители классической, серьезной музыки, распространение которой торгующие организации почему-то считают страшно трудным и невыгодным делом. Зато пышным цветом расцветает эстрадная и танцевальная музыка далеко не высшего качества.

Только в третьем квартале 1954 года пластинка с записью старого, затрепанного танго «Брызги шампанского» была выпущена Апрелевским заводом в количестве 135 тысяч экземпляров! В этот же период вышло 103 тысячи «Кустов сирени» (фокс-трот), 81 тысяча «Букетов роз» (фокс-трот). В четвертом квартале завод дополнительно выпустил еще примерно 200 тысяч этих пластинок.

Между тем танцевальная музыка, созданная классиками и советскими композиторами, выпускается в более чем скромных тиражах. В том же третьем квартале 1954 года вальс из балета Чайковского «Спящая красавица» выпущен только в количестве 300 экземпляров!

Прикрываясь разговорами о спросе (которого никто всерьез не изучает), заводы систематически снижают выпуск произведений симфонической, оперной и камерной музыки.

Вот фактические данные: в 1953 году на Апрелевском заводе было изготовлено (по отношению ко всей выпущенной им продукции) пластинок с записями симфонической музыки — 2,25 процента. В первом полугодии 1954 года количество их снизилось уже до 2,01 процента, а в третьем квартале 1954 года — до 1,88 процента.

Та же участь постигла пластинки с записями камерно-инструментальной музыки. Сначала 0,77 процента, затем 0,66, нако-

нец 0,55 процента. Производство пластинок с записями оперной музыки: в 1953 году — 2,74 процента, в первом полугодии 1954 года — 1,82, в третьем квартале 1954 года — 1,49 процента.

Рядом с сотнями тысяч и миллионами экземпляров танго, фокстротов, различных эстрадных песенок более чем скромно выглядят тиражи пластинок с записями серьезной классической и современной музыки. Так, например, в третьем квартале 1954 года было выпущено всего лишь 280 экземпляров пластинок с увертюрой Бетховена «Леонора» (№ 3). Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева — 300 экземпляров, концерт А. Хачатуряна для скрипки с оркестром (в исполнении Леонида Когана) — 500 экземпляров.

Шестая симфония Чайковского (умещающаяся на одной долгоиграющей пластинке) в третьем квартале 1954 года вышла тиражом в 400 экземпляров, «Поэма экстаза» Скрябина — 540, Вторая рапсодия Листа в исполнении Л. Оборина — 325, романс Римского-Корсакова «Не ветер, вея с высоты» в исполнении И. Козловского — 300 экземпляров.

Можно привести множество примеров, когда уже изготовленные Домом звукозаписи (по заранее согласованному плану) оригиналы пластинок с записями классической музыки по много месяцев лежат без движения. Так, с января по апрель 1954 года пролежал Первый фортепианный концерт Глазунова, с января по май месяц — трио Моцарта. Пять месяцев после изготовления оригинала не включалась в тематический план Апрелевского завода долгоиграющая пластинка с записью романсов Рахманинова. Опера «Кармен», записанная на четырех долгоиграющих пластинках, была затребована заводом для тиражирования только через полгода после изготовления оригинала. Серия вокальных произведений в исполнении Б. Гмыри пролежала без движения с июня до конца октября 1954 года и только в ноябре пошла в производство.

Пока тридцать прессов Апрелевского завода были заняты штамповкой тиража «Голубки», не могли быть пущены в производство оперы «Аида» Верди, «Севильский цирюльник» Россини, симфония Моцарта (№ 38), избранные арии из опер «Фауст» и «Травиата» в исполнении И. Коз-

ловского, Е. Шумской, П. Лисициана, В. Борисенко и А. Пирогова, записи русских народных песен в исполнении хора под управлением А. Свешникова.

Ни в одном магазине не найти записи «Сентиментального вальса» Чайковского. Между тем среди трех с половиной сотен оригиналов с записью танцевальной музыки, назначенных для производства на декабрь 1954 года, этого произведения нет.

Апрелевский завод и Управление по производству грамофонных пластинок ссылаются при этом на пункт договора, по которому они обязаны изготовлять пластинки «строго по заказам». Ну, а сами они что-нибудь делают для того, чтобы заказы шли по более верному руслу?

Почему, например, каталог грампластинок распространяется только среди торгующих организаций? Разве не правильнее было бы снабдить им и покупателей?

Завод, как и Управление, заботится об одном: выпускать определенное количество черных дисков. Если бы при этом возможно было весь план строить на одной единственной «Голубке», повидимому, он считался бы «идеальным». Ведь так и легче, и проще, и никаких забот!

Отсюда все качества. Выпуск грампластинок приравнен, таким образом, к выпуску чугунных сковородок: лишь бы дать числом поболее!

В итоге большой фонд многообразных художественных записей используется лишь в небольшой мере. Причем в наихудшем положении оказывается самое ценное из того, что в этом фонде имеется.

Ссылка на то, что подобное положение сложилось под влиянием запросов слушателя, необъективная и неискренняя. И продавцы магазинов, и работники заводов отлично знают, как велик круг любителей музыки, серьезно интересующихся хорошей грампластинкой.

Все чаще в адрес Дома звукозаписи, магазинов, заводов грампластинок поступают многочисленные устные и письменные заявления потребителей. Не отрицая того факта, что качество пластинок улучшилось, подавляющее большинство заявлений обращает внимание на узость подбора исполнителей, на отсутствие разнообразия в репертуаре.

Московский научный работник Александров заявил недавно Управлению по производству грампластинок решительный протест.

— Почему, — спрашивает он, — нам приходится безрезультатно ходить по всем столичным магазинам в поисках пластинок с записями любимейших произведений классической музыки?

Почему нет пластинок с записью Девятой симфонии Бетховена? Почему, несмотря на многочисленные запросы специализированных магазинов, заводы давно не выпускают Четвертой симфонии Чайковского, произведений Мендельсона, сонаты «Аппассионата» Бетховена?

Незадолго до этого разговора в адрес Главного Управления промышленных предприятий и дирекции Апрелевского завода пришло письмо из Одессы, подписанное 55 любителями музыки. Они упрекают нашу грамофонную промышленность в том, что ею за последнее время ослаблена работа по пропаганде передовой музыкальной культуры.

«Нам кажется, — говорится в письме, — что это является результатом нетворческого подхода к выпуску пластинок».

И далее: «Необходимо серьезно заняться расширением репертуара симфонических записей с тем, чтобы в каталоге (и не только в каталоге, но и в продаже) были представлены все известные нашему слушателю и любимые им произведения».

Авторы письма отмечают недостаточный круг имеющихся в продаже долгоиграющих пластинок с записями классических опер; они указывают на законное желание наших слушателей приобрести долгоиграющие пластинки с записями «Царской невесты», «Псковитянки», «Царя Салтана», «Орлеанской девы», «Иоланты», «Хованщины», «Фиделио», «Трубадура», «Паяцев», «Лакме», «Риголетто», «Мейстерзингеров» и т. п.

Нельзя примириться с точкой зрения тех работников грампromышленности и торговли, которые полагают, будто наш советский любитель музыки интересуется исключительно легкой музыкой. Факты опровергают это.

Слушатель действительно любит хорошую эстрадную и танцевальную музыку. Но нельзя сводить к этому жанру все многообразные музыкальные запросы мно-

гомиллионных масс потребителей. Пора наладить всестороннее и глубокое изучение подлинных запросов и интересов любителей грампластинок.

Выпуск долгоиграющих пластинок был встречен слушателями с живым интересом. По достоинству оценив те преимущества, которыми обладают такие пластинки, слушатели стали внимательно следить за каждой выпускаемой новинкой. Особым успехом пользуются записи на долгоиграющих пластинках крупных симфонических произведений, опер, хорошо подобранных концертов, камерной музыки.

Но и здесь, рассматривая вопрос о широком распространении долгоиграющей пластинки, мы наталкиваемся на очередную «кочку». Для воспроизведения таких пластинок необходим специальный электропроигрыватель. Хотя такие аппараты давно освоены нашей электропромышленностью, выпуск их до сих пор еще далеко не удовлетворяет спроса.

Да и дело не в одном только количестве выпускаемых проигрывателей. Пока все еще отстает от современных требований и их качество. У нынешних проигрывателей недостаточный частотный диапазон. Все еще имеет место большая вибрация, создающая гул при воспроизведении записи на пластинке. А разве можно удовлетвориться нынешним весом звукоснимателя?

Этот звукосниматель во много раз легче прежнего. Но и сейчас давление иглы на пластинку равно 15 грамм. Это ограничивает возможности использования пластинок (в среднем не более ста раз). Разве не разрешима проблема доведения веса звукоснимателя до 5 и менее граммов? Тогда износ грампластинки свелся бы к минимуму.

Следует направить техническую мысль на разрешение этой задачи. От этого зависит будущее долгоиграющей пластинки. А ведь в том, что завтрашний день производства грамофонных пластинок — за пластинкой долгоиграющей, в этом теперь, в сущности, сомневаться уже не приходится.

Назрело много наболевших вопросов в большом и важном деле производства советской грампластинки. Надо пожелать, чтобы Министерство культуры всерьез занялось этими вопросами и помогло бы устранить все неполадки.